

Цяо Жуньи в свои годы много работал, но почти не двигался. Вскоре он начал тяжело дышать и отошел в сторону, чтобы передохнуть. Шао Лисюань, заметив это, тут же перебросил мяч Му Цзыпэну.

В горле после пробежки пересохло, и Цяо Жуньи, усевшись на ступеньки, приложился к теплому молочному чаю, чтобы хоть немного прийти в себя.

Почувствовав, что Шао Лисюань подошел ближе, он проворчал:

— До чего же это утомительно.

— Потому что ты почти не занимаешься спортом. — Шао Лисюань посмотрел на его ссутулившуюся спину, медленно опустился рядом и слегка прислонился к нему своей спиной. Почувствовав опору, Цяо Жуньи тут же выпрямился и позволил себе откинуться назад, опираясь на друга.

Тело парня после тренировки пылало жаром, и даже сквозь слой ткани футболок они чувствовали тепло друг друга.

Цяо Жуньи запрокинул голову, положив ее на плечо Шао Лисюаня.

Если повернуть голову, можно было разглядеть тонкую длинную шею, покрытую блестящими капельками пота, которая казалась необычайно нежной.

Цяо Жуньи закрыл глаза; дыхание постепенно выравнивалось, сердцебиение успокаивалось.

Шао Лисюань прикусил губу. Внезапно Цяо Жуньи снова сел прямо и, чувствуя сухость в горле, произнес:

— Молочный чай слишком приторный, совсем не утоляет жажду. Босс, у тебя в термосе еще осталась вода?

Термос тут же оказался перед ним.

Цяо Жуньи тихо кашлянул.

У него был хронический фарингит, и стоило ему немного подышать ветром, как горло начинало саднить. Нахмурившись, он одним махом осушил остатки воды, но, похоже, так и не напился:

— Извини, я как бездонная бочка.

Шао Лисюань, глядя на его лицо и вспоминая, как вчера Цяо Жуньи раз за разом оглядывался на него, тихо спросил:

— Как думаешь, мой термос удобный?

Что в термосе может быть удобного или неудобного? Каким бы дорогим он ни был, его предназначение — хранить воду. Думая так, Цяо Жуньи все же решил польстить другу:

— Это самый удобный термос из всех, что мне доводилось видеть.

По пути в класс Шао Лисюань рассеянно крутил в руках свой термос.

Цяо Жуньи вел себя странно еще со вчерашнего дня: постоянно смотрел на него, искал повода сблизиться, даже выдумал эту нелепую ложь о перемещении во времени, лишь бы быть рядом.

Такой замкнутый человек, как он, вчера не только принял воду из его рук, но и взял деньги, поехал на его машине, а сегодня, имея под рукой молочный чай, придрался к его приторности, лишь бы выпить воды именно из его термоса.

Термос — это просто емкость для воды, но Цяо Жуньи вдруг решил, что его термос — лучший в мире.

Неужели Цяо Жуньи тоже... нравится ему?

В тот же день после обеда Шао Лисюань создал на форуме тему: «Что делать, если понял, что человек, в которого ты влюблен, тоже испытывает к тебе чувства?!»

— Мне кажется, последние два дня он ведет себя очень странно, стал особенно близок со мной. Человек, который никогда не занимается спортом, сегодня сам предложил поиграть с нами в баскетбол. А после игры прислонился ко мне спиной, у меня сердце чуть из груди не выпрыгнуло!

— Я купил ему молочный чай, он сказал, что тот слишком сладкий, и наотрез отказался пить что-то, кроме моей воды. Значит ли это, что он хочет косвенного поцелуя со мной?

— Позже, когда мы вернулись в класс, я снова наполнил термос, протянул ему, и он, не говоря ни слова, выпил больше половины! В обед, когда мы кормили кошек, он спросил, не хочу ли я присоединиться. Если бы не охранник, мы бы так и остались вдвоем. Он ведь такой одиночка! А теперь даже на подработку хочет брать меня с собой!!!

— Это же стопроцентная взаимность! Автор, признавайся ему скорее!

— Просьба попить воды — это же такой очевидный намек! Он определенно к тебе неравнодушен!

— О, это же тот самый автор, который уже писал сюда! Тот, в кого ты влюблен, наконец перестал тебя игнорировать?

— Скорее будьте вместе!!!

Шао Лисюань уставился на розовый интерфейс форума, игнорируя колкости, и в его голове пульсировало лишь одно: признание, вместе.

Появилось новое сообщение:

— Автору стоит остыть. Я просмотрел твои старые посты: тот человек явно очень замкнут, да и жизнь его доканывает. С логической точки зрения, тот, чьи мысли заняты лишь тем, как бы свести концы с концами, не может быть таким же влюбленным дурачком, как ты. Даже если ты ему симпатичен, он не окунется в омут с головой так просто. Советую быть осторожнее, подождать и присмотреться, прежде чем признаваться. К тому же, период неопределенности с любимым человеком тоже очень сладок~

Шао Лисюаня будто окатили ледяной водой, жар в груди мгновенно сменился холодом.

Следом обновился еще один комментарий:

— Да что хорошего в этой неопределенности! Разве обмениваться взглядами лучше, чем каждый день прижиматься друг к другу? Разве идти рядом лучше, чем обниматься? Подумай о том, что сможешь украдкой чмокнуть его, когда захочешь, не подавляя себя, сможешь заключить его в объятия, когда пожелаешь! Те, у кого нет пары, никогда не поймут, каково это — чувствовать тепло другого человека. Тем более, как сказал оратор выше, если такой человек, задавленный бытом, готов дарить тебе крупицы своей нежности, разве это не чудо? Если не куй железо, пока горячо, он снова погрязнет в делах, это желание любви угаснет, и тебя снова будут игнорировать! Вспомни все те бессонные ночи. Стоит только прорвать эту бумажную преграду — и тебя ждет весна, парень!

— Не неси ерунды. Судя по прошлым постам, его знаки внимания выглядят как-то внезапно. Раньше он даже имени автора не помнил, а тут вдруг — раз, приснился ему сон, и он начал звать его Босс? Скажу прямо: подозреваю, что он понял, что автор из богатой семьи, и хочет пристроиться к кормушке. Понаблюдать — верное решение.

— Внезапность — это и есть влечение! Абсурд — это и есть любовь! Твой взгляд слишком объективен, ты совершенно не понимаешь автора. Не веришь — спроси его, беспокоит ли его, что любимый человек хочет пристроиться к богатству? Только недалекие люди думают, что их используют ради денег. Настоящая любовь — это когда ты готов отдать всё за один лишь взгляд любимого, и даже если тебя обманывают, ты готов на это пойти! Ведь, по крайней мере, любимый человек хочет тебя обманывать!

Сердце Шао Лисюаня запылало, лицо начало гореть.

Конечно, он не считал Цяо Жунью лжецом, способным на корысть. Но если бы Цяо Жунью и правда был мошенником... это было бы прекрасно! Это означало бы, что тот всецело сосредоточен на нем и, возможно, приложил немало усилий, чтобы его обмануть. Иными словами, он уже бессознательно занял часть его жизни и времени.

Звучит чертовски заманчиво.

Шао Лисюань вышел на балкон и, подставив лицо холодному ветру, принялся обдумывать, как же разрушить эту невидимую стену.

Страница на компьютере обновилась, и тот же комментатор добавил два слова: «Идиот».

Цяо Жуньи вернулся домой поздно. Родители были на месте, а Цяо Маньи со слезами на глазах выслушивал нотации.

Чжэн Хун, увидев старшего сына, нахмурилась:

— Ты знаешь, что Маньи сегодня опоздал?

— Знаю. — Цяо Жуньи налил себе воды и, прихлебывая, спросил:

— В углу стоял?

— Не только в углу, учитель звонил мне и отчитывал! — подал голос Цяо Цзяньши. Цяо Жуньи, прислонившись к столу, ответил:

— Не научил детей — вина отца. Ты заслужил.

Отец опешил:

— Как ты со мной разговариваешь? Разве раньше не ты присматривал за Цяо Маньи?

— Именно потому, что я постоянно это делал, у тебя было время играть в маджонг, ходить по ресторанам и держать нас в этой дешевой съемной халупе.

Как только эти слова сорвались с губ, Чжэн Хун вспыхнула. Она хлопнула по столу:

— Ты опять играл в маджонг?! Что мне говорил Цяо Цзяньши? Ты что, не хочешь больше жить со мной?!

— Я... я когда играл?! — Цяо Цзяньши в ужасе подскочил. — Не слушай его, он врет! Я не играл, правда, не играл!

Цяо Жуньи взял со стола чайник и разжал пальцы. Пустой сосуд с грохотом ударился о пол, перекрыв их шумную перепалку.

Родители в изумлении уставились на него.

— У меня скоро выпускные экзамены, — тихо произнес Цяо Жуньи. — Если хотите драться,

пожалуйста, сделайте это за дверью, хорошо?

Он был лучшим учеником на выпускных экзаменах в средней школе, первым в рейтинге — сказать, что он гордость и будущее семьи Цяо, было бы ничуть не преувеличением.

Родители осеклись. Чжэн Хун опустилась на стул, Цяо Цзяньши последовал ее примеру. Они переглянулись, в их глазах читалась тревога.

Старший сын с детства был послушным и рассудительным, у него был золотой характер. Раньше, если родители ссорились или дрались, примирял их только Цяо Жуньши. Он то успокаивал одну сторону, то увещевал другую. Можно сказать, что этот дом держался на равновесии, которое поддерживал Цяо Жуньши.

— Жунь-Жунь, — первым нарушил молчание Цяо Цзяньши. — Ты... ты в последнее время плохо себя чувствуешь?

— У меня в следующем году выпускные экзамены, сейчас я работаю на трех работах, по ночам учусь до рассвета, а по утрам должен нянчиться с вашим ребенком. Как по-вашему, мне должно быть хорошо?

Чжэн Хун проговорила:

— Отец вчера сказал мне, что ты упал в обморок в ресторане. Почему ты ничего не сказал?

— И что бы изменилось? — ответил Цяо Жуньши. — Вы бы отвели меня на полное обследование? Или успели бы подхватить меня до того, как я упал, чтобы я не разодрал руку?

Глаза Чжэн Хун покраснели, она опустила голову и начала утирать слезы.

Цяо Жуньши сохранял полное спокойствие:

— Давайте начистоту. С этого момента я и Цяо Маньши — просто братья. Я больше не буду выполнять роль отца и матери для него. Мне плевать, как вы заняты — пожалуйста, сами заботьтесь о своих детях. Или, как вы делали это со мной в детстве, можете просто пустить всё на самотек.

Цяо Маньши, перепуганный не на шутку, всхлипнул:

— Брат, это потому, что мама дала деньги мне, а не тебе, и ты разозлился?

Цяо Жуньши усмехнулся:

— Забавно. Вы живете в такой нищете, а у Цяо Маньши еще находятся карманные деньги.

— Нет, — поспешно оправдывалась Чжэн Хун. — Мы знаем, что ты работаешь, у тебя есть

деньги, просто твой брат хотел купить перекусить...— Больше ни слова. — Цяо Жуньи развернулся и сел за свой письменный стол. — Впереди подготовка к выпускным экзаменам, я должен сосредоточиться. В воскресенье я съезжаю и буду жить отдельно, а вы делайте что хотите.

Чжэн Хун засуетилась:

— Как же ты можешь съехать? Дома ты хотя бы можешь поесть горячего...

— Горячего? — Цяо Жуньи подчеркнул каждое слово. — Ты имеешь в виду тот завтрак, ради которого я каждый день встаю в пять тридцать утра, чтобы прислуживать Цяо Маньи? Или куриную ножку, которую я приношу из школьной столовой, где подрабатываю? А может, тот цзяньбин, который я ем по вечерам, когда от голода сводит желудок?

Цяо Жуньи надел наушники, отгородившись от всех звуков в доме.

Чжэн Хун пнула Цяо Цзяньши, тот пихнул Цяо Маньи. Цяо Маньи втянул голову в плечи и украдкой вытер слезы.

Цяо Цзяньши поднял с пола таз, молча вышел, а вскоре вернулся, наполнил его водой и, проверив температуру рукой, кивнул Цяо Маньи.

Цяо Маньи, спохватившись, поднес таз к Цяо Жуньи. Дождавшись ответного взгляда, пробормотал:

— Брат, помой ноги.

Цяо Жуньи снял обувь и носки, опустил ноги в воду и сказал:

— Спасибо.

Цяо Маньи немного приободрился, поспешно схватил его носки и направился к выходу:

— Я постираю.

Цяо Жуньи приподнял бровь, на его губах промелькнула слабая улыбка:

— Хорошо.

В прошлой жизни он сполна наслужился этой семейке. В этот раз он не собирался никого баловать. Он прекрасно понимал: с родителями и братьями кровные узы не разорвать, и полностью вырваться из этого круга практически невозможно. Единственное, что он мог сейчас сделать — пока его слово хоть что-то значило, — поставить каждого из них на свое место.

Цяо Маньи стоял у уличного крана, стирая носки всей семьи, и время от времени поглядывал в окно. Спина старшего брата выглядела как обычно — хрупкая, но такая надежная.

Он опустил голову, чувствуя, как внутри скребется тоска. Он не понимал, почему брат вдруг стал так к нему холоден. Если бы знал, ни за что не взял бы те тридцать юаней, что дала мама.

Цяо Жуньи, как обычно, лег в постель последним. Когда он устроился рядом с братом, тот осторожно ткнул его в бок и протянул в ладони несколько помятых купюр.

Цяо Маньи прошептал:

— Это сдачи осталось. Возьми себе на расходы.

Цяо Жуньи посмотрел на жалкое личико брата, отодвинул его руку и тихо ответил:

— Мне не нужно.

На следующее утро Цяо Жуньи проснулся от разговора родителей.

Чжэн Хун говорила:

— Жунь-жунь в последнее время натерпелся, ты никуда сегодня не уходи, останься дома, приготовь ребенку поесть.

— А как же работа? Мне нужно быть там.

— Какая еще работа? Не думай, что я не знаю про твои карты. Сейчас же приложи все усилия, чтобы задобрить Жунь-жуня. Если он правда съедет, я с тебя голову сниму.

Иногда Цяо Жуньи было трудно понять, испытывают ли к нему родители хоть какие-то чувства. Но тридцатилетний Цяо Жуньи решил больше не мучить себя анализом — в конце концов, не так уж важно, есть эта любовь или нет.

Снаружи донесся аромат вареного риса вперемешку с запахом жареных яиц. Цяо Жуньи поднялся и начал одеваться. Стоило ему пошевелиться, как Цяо Маньи тут же встрепенулся:

— Брат.

— М-м. — Цяо Жуньи ответил сухо.

Он вышел к крану умыться. Кран был кое-как приделан к стене и привязан к оконной раме болтающейся веревкой, но раковина всегда сияла чистотой — это была заслуга Цяо Жуньи.

Кухня находилась снаружи, стены закоптились от гари, а на покосившемся столе стояла такая же убогая газовая плитка. Пока Цяо Жуньи умывался, Цяо Цзяньши стоял рядом, заискивающе заглядывая ему в лицо:

— В обед я приготовлю ребрышки и сам принесу тебе в школу.

— Не нужно, — отрезал Цяо Жуньи. — В нашей школе запрещено приносить свою еду.

— Тогда вечером, когда вернешься, приготовлю тебе ребрышки в кисло-сладком соусе.

Цяо Жуньи немного подумал, улыбнулся и сказал:

— Хорошо.

Отец тут же просиял, снял с подоконника тарелку с яичницей и поторопил:

— Иди ешь, пока не остыло.

Цяо Маньи тоже уже встал. Когда они позавтракали, Цяо Цзяньши добавил:

— С сегодняшнего дня я буду каждое утро готовить для вас. А сейчас я провожу Цяо Маньи до школы, а дальше он уже сам. Ну как, Жунь-жунь, я все устроил?

Цяо Жуньи снова улыбнулся.

Цяо Цзяньши не то чтобы никогда не готовил — бывало, особенно когда Цяо Жуньи сваливался с высокой температурой от переутомления, но, как только все возвращалось на круги своя, отец снова становился прежним.

Цяо Цзяньши был мастером пустых обещаний, как и Цяо Маньи. Только Цяо Жуньи никогда не говорил лишнего, зато делал больше всех остальных.

Они втроем вышли ждать автобус. Автобус Цяо Маньи подошел первым. Цяо Цзяньши потянул младшего сына за рукав и обернулся к старшему:

— Давай, заходи.— Я обычно езжу этим рейсом, чтобы отвезти Цяо Маньи, а потом приходится делать пересадку, слишком уж хлопотно. Подожду прямой автобус.

Выражение лица его отца стало каким-то удрученным.

Отец с сыном сели в автобус, и у Цяо Цзяньши, и у Цяо Маньи физиономии были кислые.

Когда автобус почти подъехал к месту назначения, Цяо Маньи вдруг спохватился:

— Папа, сегодня же суббота, кажется, у меня нет занятий.

Цяо Жуньи так и не дождался автобуса, зато дождался старшего господина Шао. Сегодня тот выглядел как-то иначе. Цяо Жуньи заметил, что он сменил ремешок на часах: вместо винтажного кирпично-красного теперь был нежно-розовый, похожий на цвет сухих роз.

Даже на циферблате появилось сердечко.

Шао Лисюань лично распахнул дверцу машины, приглашая его сесть, а затем устроился рядом и произнес:

— Ты сегодня очень рано.

— Почему ты едешь этой дорогой?

— Я живу в том жилом комплексе, — Шао Лисюань указал рукой в сторону. Рядом с этим домом для малоимущих действительно был жилой комплекс, всего через дорогу, но разница между ними была как небо и земля. Цяо Жуньи вдруг всё понял и сказал: — Получается, нам по пути.

— Конечно, — тут же ответил Шао Лисюань. — Поэтому на следующей неделе, когда придешь ко мне заниматься, можешь добираться на моей машине. И после занятий будет удобно вернуться домой.

Цяо Жуньи немного смутился:

— Не слишком ли это хлопотно?

— Вовсе нет, — отмахнулся Шао Лисюань. — Как раз хотел попросить тебя об одной услуге.

Цяо Жуньи вопросительно посмотрел на него:

— ?

На экране планшета мелькали фотографии платьев самых разных фасонов. Шао Лисюань листал их и спрашивал:

— Как думаешь, какое из них красивое?

— Здесь сплошь большие размеры, — заметил Цяо Жуньи. — Девушка, которая тебе нравится, такая полная?

Его первой мыслью было, что Шао Лисюань покупает подарок для своей возлюбленной.

— Нет, — Шао Лисюань просто считал, что если уж признаваться в чувствах, то лучше всего предстать в образе, который больше всего нравится Цяо Жуньи. Он добавил: — Ты просто скажи, какое тебе кажется красивым.

— Это ведь зависит от того, какой она типаж...

— Какой тип тебе нравится, в такой она и будет.

— ... — Цяо Жуньи почувствовал, что что-то здесь не так. Поборовшись с собой некоторое время, он всё же спросил: — Ты это покупаешь для себя или всё-таки для той девочки с шестью пальцами, о которой говорил раньше?

Шао Лисюань: — ...А может ли быть так, что сразу для обеих?

Цяо Жуньи всё понял. Несмотря на некоторую неловкость, он всё же подумал, что побуждения господина Шао были самыми что ни на есть добрыми. Сам нашел себе пару, так еще и не забыл подыскать половинку для сотрудника... пусть и с шестью пальцами. Одевая своего возлюбленного, не забыл купить одежду и для пассивного подчиненного — ну просто лучший босс в мире.

Однако Цяо Жуньи никак не мог отказаться. В конце концов, у той девушки было шесть пальцев, что, если выражаться точно, несколько отличалось от нормы. Если бы он прямо сейчас отказался, это выглядело бы так, будто он брезгует девушкой, что могло бы оставить у нее неприятный осадок.

Настроение у Цяо Жуньи было неоднозначным.

— Так эта девушка с шестью пальцами... — Цяо Жуньи вдруг показалось, что плечи дяди-водителя, который вел машину, дрогнули. Он присмотрелся, но решил, что, должно быть, показалось. Он продолжил: — Эта девушка, она что, видела меня раньше?

Шао Лисюань кивнул.

— А я ее видел?

Снова кивок.

— ...То есть, — задумался Цяо Жуньи, — она тайно влюблена в меня?

Кивок, еще один кивок.

Ну вот, теперь отказываться стало еще сложнее.

У Цяо Жуньи разболелась голова. Выбирая платье, он спросил:

— И когда, по-твоему, мне стоит с ней встретиться?

Шао Лисюань почувствовал нечто тонкое и прекрасное — наверное, это и есть то самое общение между влюбленными, которое можно лишь прочувствовать, но нельзя выразить словами. Его взгляд потеплел, и он мягко произнес:

— Ты уже не терпишься встретиться с ним?

— Да, — Цяо Жуньи не любил откладывать дела в долгий ящик. — Раз уж ты все решил, давай устроим встречу как можно скорее.

Хотя он и не знал, что связывает Шао Лисюаня с той девушкой с шестью пальцами, раз босс так озаботился этим вопросом, значит, человек она наверняка достойный. К тому же, постараться поскорее войти в ближний круг Шао Лисюаня для него явно не было лишним.

— Тогда... увидимся в следующий понедельник, когда будем заниматься?

— Хорошо. — Цяо Жуньи продолжал выбирать платье, пытаясь мысленно представить облик той девушки. Он предположил: — Думаю, она должна быть очень смелой. Несмотря на свою особенность, в душе она, наверное, крутая и уверенная в себе, может, даже немного своенравная?

Шао Лисюань не отрываясь смотрел на него, чувствуя, как каждое слово попадает прямо в сердце.

— Возьмем это, синее. Дизайн элегантный, но не вычурный, есть в нем какая-то отрешенная, возвышенная красота, ей должно подойти.

Шао Лисюань взял планшет, едва сдерживая смех. Оказывается, в глазах Жунь-Жуня он настолько прекрасен.

Любовь — это и правда то, что делает людей глупыми.

<http://bllate.org/book/21317/2162934>